

Реляция Франсиско Васкеса о мятеже Лопе де Агирре

Предисловие, послесловие и перевод А.Кофмана

Печально знаменитый мятеж Лопе де Агирре, солдата, который бросил вызов испанскому королю и решил отторгнуть у Испании ее американские колонии, нашел документальное отражение в ряде хроник. Из них лучшая — реляция Франсиско Васкеса, непосредственного участника событий. В ней рассказано, как во время экспедиции по Амазонке в поисках Эльдорадо (1560—1561) Лопе де Агирре составил заговор, убил законного губернатора и встал во главе мятежного войска. Путь экспедиции оказался усеян трупами: вождь мятежников казнил соратников по малейшему подозрению в измене. Удивительно, насколько эта «маленькая революция», свершенная в сердце неведомого материка, развивалась по тем же законам, что и грядущие великие революции — французская и русская.

Представляем вниманию читателей сокращенный перевод хроники с предисловием и послесловием в трех частях.

Ключевые слова: Новый Свет, Амазонка, конкистадоры, Лопе де Агирре, мятежники, тиран, казнь.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Из всех бесчисленных экспедиций в поисках Эльдорадо самой печально знаменитой оказалась экспедиция 1560 г. по Амазонке. Об этих событиях впоследствии будут сняты фильмы («Эльдорадо», К.Саура), написаны десятки книг, в том числе ряд исторических романов: «В поисках Эльдорадо» А.Услара-Пьетри, «Даймон» А.Поссе и переведенный на русский язык роман «Лопе де Агирре, Князь Свободы» М.Оттеро Сильвы. Вместе с тем русскому читателю малоизвестен первоисточник, послуживший документальной основой фильмов, исторических трудов и романов, — хроника непосредственного участника похода, солдата Франсиско Васкеса, публикуемая в сильно сокращенном варианте.

Стимулом экспедиции 1560 г., описанной в хронике Франсиско Васкеса, стала экспедиция Гонсало Писарро (брата завоевателя Перу) в Восточные Анды (1541), следствием которой явилось одно из великих географических открытий, изменившее представления о размерах южноамериканского материка.

Андрей Федорович Кофман — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур Европы и Америки новейшего времени Института мировой литературы им. А.М.Горького (andrey.kofman@gmail.com).

Индейка, покрытая татуировками. В этой гравюре воплотилась стойкая ассоциация Америки с образом амазонки

Гонсало Писарро был несметно богат, но он мечтал прославиться собственным открытием и завоеванием и в начале 1541 г. двинулся на восток от Кито в поисках «страны корицы», о которой ему поведали индейцы. Перевалив Восточные Кордильеры, Писарро открыл реку Напо, левый приток верхней Амазонки, где обнаружил целые леса коричневого дерева. Если учесть, что в ту эпоху корица ценилась на вес золота, Гонсало Писарро мог быть уверен, что нашел свое Эльдorado. Обследуя «страну корицы», он стал спускаться вниз по реке, пока впервые не достиг Амазонской низменности. Провизии в этих безлюдных местах не было, а голод становился все ощутимее. И тогда Писарро принял решение отправить на нескольких лодках отряд в полсотни человек за провизией и назначил капитаном отряда своего заместителя Франсиско де Орельяну.

Если бы Писарро повнимательнее посмотрел на быстрое течение реки и поразмыслил, каким же это чудесным образом груженные провизией лодки возвратятся назад, может, он и отменил бы свое решение, и уж во всяком случае, не стал бы впоследствии обвинять Орельяну в предательстве. Недели шли за неделями, а от разведчиков — ни слуху, ни духу. Пришлось конкистадорам возвращаться восвояси. В пути они доели последних лошадей, последних собак и всю кожаную амуницию. В июне 1542 г. в окрестностях Кито появились 80 изможденных людей, которые просили дать им что-нибудь из одежды, дабы прикрыть наготу. Самый страшный удар ожидал Писарро в Кито: взглянув на образцы коричневого дерева, знающие люди сказали, что никакого отношения к драгоценной цейлонской корице они не имеют.

А что же случилось с отрядом Орельяны? По быстрому течению реки испанцы за две недели сплывали на несколько сот километров и, не имея возможности вернуться, продолжили путь, куда вода вынесет: так в 1541—1542 гг. они, непрерывно атакуемые индейцами, проплыли по Амазонке от верховьев до устья почти 8 тыс. км. и вдоль Атлантического побережья добрались до острова Маргарита, где находилась испанская колония. По пути, как сообщает хронист беспримерного плавания, испанцы имели жестокую стычку со светлокожими воительницами, а также раздобыли «достоверные» сведения о богатствах государства амазонок. Так и получилось, что река, названная по праву первопроходца рекою Орельяны, легла на карты Южной Америки под названием Амазонка.

Сведения об амазонках мгновенно расходятся по Испании, а в Новом Свете их распространяют спутники Орельяны, в том числе монах Гаспар де

Карвахаль, уже написавший свою хронику. Его Величество официально вменил в обязанность вице-королю Перу найти Эльдorado. Но тогдашнему вице-королю было совсем не до золотых городов, поскольку в течение десяти лет Перу раздирали смуты и мятежи. Лишь к концу 50-х годов, когда в Перу был наведен порядок, вице-король маркиз де Каньете получил возможность заняться выполнением монаршего указа.

Экспедиция снаряжалась частично за счет государственной казны и с большим размахом. На одном из притоков р. Уальяга корабельщики строили бригаантины, способные вместить огромное войско с припасами и артиллерией. Экспедиции предстояло пройти по великой реке Амазонке и отыскать на ней золотосные страны, открытые Орельяной. Генерал-капитаном экспедиции был назначен аристократ и красавец дон Педро де Урсуа, который, несмотря на свои 30 лет, уже достойно зарекомендовал себя. Дону Педро заранее пожаловали титул губернатора и генерал-капитана Эльдorado со всеми сопутствующими правами, и он нисколько не сомневался, что в недалеком будущем эти титулы и права окажутся к месту. Путешествие по Амазонке, видно, представлялось ему увлекательной прогулкой, и потому он взял с собой даму сердца, красавицу Инес, с прислугой, нарядами и предметами роскоши. Мог ли кто предвидеть тогда, что увеселительная прогулка превратится в кровавый кошмар?

Главным героем этой экспедиции стал простой пехотинец Лопе де Агирре. Поэтому имеет смысл дополнить и уточнить те отрывочные сведения, которые Васкес сообщает о нем. Лопе де Агирре родился, скорее всего, в 1511 г. в г. Оньяте страны басков в семье мелкопоместных идалго. О его детских и отроческих годах ничего не известно, но, судя по его письмам, он получил приличное образование, умел писать, внятно излагать мысли и обладал культурным багажом.

Впервые он отправился в Новый Свет в 1534 г. в составе экспедиции Педро де Эредиа с целью завоевания левобережья реки Магдалена. Обещанный земной рай обернулся зеленым адом: за несколько месяцев скитаний Лопе де Агирре не видел ничего, кроме изнурительных переходов, жары, сражений и мучительного голода. В 1536 г. Агирре объявился в Перу, где зарабатывал на жизнь тем, что объезжал коней. В 1548 г. он перебрался в г. Потоси, славный серебряными рудниками. И здесь с ним приключилась история, во многом определившая его судьбу, о чем рассказывает замечательный хронист Инка Гарсиласо де Ла Вега во второй части труда «Королевские комментарии».

Видимо, Лопе де Агирре не только преуспел в Потоси, но скоро завербовался в экспедицию в Тукуман на север Аргентины. В те времена формальные законы колонии запрещали использовать индейцев в качестве носильщиков. Конечно, запрет этот нарушался сплошь да рядом; и старший алькальд Франсиско Эскивель, надзиравший за отправлением экспедиции, пропустил десятки конкистадоров, каждого с караваном носильщиков, но по каким-то причинам придрался к Лопе де Агирре, которого сопровождали лишь двое нагруженных поклажей индейцев, велел упрянуть его в тюрьму и после краткого судебного разбирательства приговорил к огромному штрафу. Таких денег у Лопе де Агирре отродясь не бывало; тогда алькальд заменил приговор на двести ударов кнутом.

Гордый идальго-баск не мог вынести такого унижения. Он умолял судью отменить несправедливый приговор, а если нет, то лучше казнить его, но принципиальный Эскивель был неумолим. Пришлось Лопе де Агирре испытать чашу боли и унижения.

Конечно, Эскивель не знал, с кем он связался. Отныне вся жизнь Лопе де Агирре была посвящена мщению. Однако, пока Агирре залечивал истерзанное тело, старший алькальд перебрался в Лиму. Оправившись, Агирре движется за ним; лицензиат отправляется в Кито — Агирре туда же. Эскивель получает должность в Куско — Агирре упорно идет по его следу, и так — три года кряду, расстояния ведь немалые, в общей сложности тысяч шесть километров.

Появление Лопе де Агирре в Куско не могло остаться незамеченным, в поселениях Нового Света каждый новый испанец оказывался на виду. Лиценциата Эскивеля предупредили об опасности, но тот ответил, что не боится «столь ничтожного человечки, как Агирре»¹.

В полдень, когда Эскивель сидел в кресле, читая книгу, в его жилище вошел Лопе де Агирре. Лицензиат ни вскочить, ни позвать на помощь не успел — получил четыре удара кинжалом и рухнул замертво. Убийца преспокойно вышел из дома, вспомнил, что обронил возле трупа шляпу, вернулся, прихватил ее, а когда снова вышел на улицу, нервы у него вдруг не выдержали, и он завопил: «Спрячьте меня! Спрячьте же!».

На его счастье рядом случились два благородных кабальеро, которые, видимо, поступили бы точно так же, защищая свою честь в подобных обстоятельствах, — они и укрыли преступника в кладовой дома.

Все это происходило в 1552 г. Тогдашний рехидор (королевский наместник) Куско, Алонсо де Альварадо, принял самые тщательные меры к поимке преступника и перекрыл все дороги, тропы и тропинки, ведущие из города. Сорок дней отсиживался Лопе де Агирре в кладовке; между тем прятавшие его кабальеро притомились от двусмысленной ситуации. С одной стороны, они жили в непрестанном страхе, ибо в случае поимки преступника не сносили бы голов; с другой стороны, выдать преступника им не позволяло чувство чести. Для завершения этой истории предоставим слово хронисту: «Они придумали вывести его из города не тайно, а среди бела дня, представив его негром, для чего ему сбрили волосы и бороду и омыли его голову, шею, руки до локтей водою, в коей настояли один несъедобный лесной плод — индейцы называют его «виток». Цветом, формой и размером сей плод похож на большой баклажан, и ежели его разрезать на куски и бросить в воду на три или четыре дня, а затем несколько раз омыться той водою, то кожа становится чернее, чем у эфиопа, и сколько ни мой ее потом чистой водою, она поменяет цвет только через десять дней, когда сойдет верхний слой кожи. Вот так они и разукрасили добряка Агирре, облачили его в какие-то лохмотья, и однажды в полдень прошли с ним через весь город, пока не поднялись на холм под названием Карменка. «Негр» Агирре шел пешком впереди своих вроде как хозяев, а один из кабальеро в руке держал сокола, из тех, что водятся в той земле, ибо они делали вид, будто едут на охоту. Так они подошли к окраине, где стояли караульные, которые потребовали у них разрешения коррехидора на выход из города. Тот, кто держал в руке сокола, как бы раздосадованный собственной оплошностью, сказал сотоварищу: «Ваша милость, подождите меня

здесь или езжайте не спеша, я вернусь за пропуском и вскорости вас нагону». С этими словами он возвратился в город, и, разумеется, не озаботился насчет разрешения. А второй кабальеро в сопровождении негра вышел за пределы города, и убыстрил шаг, пока не миновал пределы юрисдикции Куско, а это почти сорок лиг. Засим он купил Агирре коня, дал немного денег и сказал: «Ну вот, ты на свободной земле, езжай куда хочешь, а большего я для тебя сделать не могу». После этого дворянин вернулся в Куско, а Лопе де Агирре прибыл в Гуамангу, где у него имелся близкий родственник, человек знатный и богатый, один из самых видных жителей поселения»².

Оттуда Лопе де Агирре перебрался в Чаркас (Боливию), где проще было спрятаться от правосудия, и там принял участие в заговоре, против королевских чиновников, возглавленном Себастьяно де Кастильо, причем главный представитель королевской власти в Чаркасе был убит. Маршал Альварадо, назначенный рехидором на место убитого, учинил кровавую расправу над участниками и пособниками мятежа, казнив несколько десятков человек. Особо старательно маршал разыскивал Лопе де Агирре, на котором висело уже два смертных приговора: за убийство Эскивеля и за участие в мятеже. Агирре и на сей раз удалось скрыться: он бежал в район озера Титикака, где больше года прожил в горной пещере, питаясь кореньями и ящерицами.

Неизвестно, сколько времени он влачил бы это полузвериное существование, если бы в Перу не началось восстание под руководством Франсиско Эрнандеса Хирона. Это уже был не доморощенный мятеж Кастильи, бесславно завершившийся без единого сражения. Эрнандес Хирон провозгласил в Перу свободу от засилья королевских чиновников, обещал восстановить справедливость, сделать богатыми обделенных, освободить негров из рабства, и эти поистине революционные лозунги нашли отклик в сердцах сотен людей.

Ввиду нешуточной угрозы со стороны мятежников Алонсо де Альварадо, коррехидор в Чаркасе, предпочел забыть старые счеты и объявил полную амнистию всем тем, кто под его началом пойдет воевать с мятежниками. Маршал знал, что делал, ибо таких, как Лопе де Агирре, скрывавшихся по углям да щелям, было немало, и в большинстве своем беглецы воспользовались возможностью вернуть себе законное положение в обществе. Не пренебрег такой возможностью и Лопе де Агирре. В битве при Чукинге 20 мая 1554 г., сражаясь опять-таки на стороне роялистов, Агирре получил два пулевых ранения в правую ногу, чудом избежал ампутации, но на всю жизнь остался хромым. Война окончилась. Агирре было уже под пятьдесят — и он снова остался у разбитого корыта. Накоплений не было, земельного надела не было, своего дома и того не было; к тому же хромым он не мог даже взяться за старую профессию — объезжать диких лошадей.

Как он жил следующие пять лет никто в точности не знает; известно лишь, что в эти годы он близко сошелся с таким же неудачником Лоренсо де Сальдуэндо. Вместе они кочевали по селениям Перу, нигде подолгу не задерживаясь, а на что существовали, остается лишь гадать. И оба без раздумий завербовались в экспедицию Педро де Урсуа, которая давала им, быть может, последний шанс переломить судьбу...

О дальнейшем нам рассказывает Франсиско Васкес.

ФРАНСИСКО ВАСКЕС

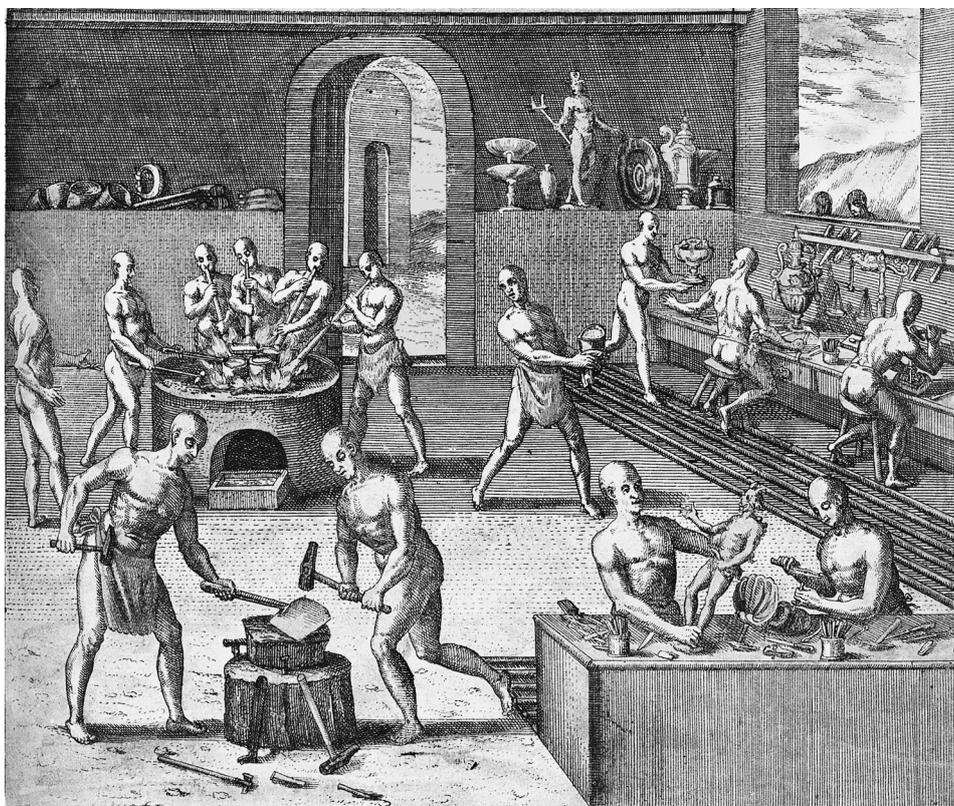
Правдивая реляция о том, что произошло во время экспедиции в страны Омагуа и Дорадо, на поиски коих по велению вице-короля маркиза де Каньете отправился губернатор Педро де Урсуа из Перу по реке Амазонк, иначе называемой рекою Мараньон, каковая берет начало в Перу, а впадает в море около Бразилии. В реляции также рассказано о мятеже дона Фернандо де Гусмана и Лопе де Агирре и о жестокостях, свершенных сими гнусными тиранами.

Педро де Урсуа, родом из Наварры, был благородного происхождения и наследником родового поместья; он набрался немало опыта в Индиях и достойно проявил себя в экспедициях. Маркиз де Каньете, удостоверившись в его мужестве и способности командовать, поручил ему завоевать Эльдorado и прочие провинции и сопредельные земли, о неисчислимых богатствах коих слышаны были в королевствах Перу от Орельяны и его спутников. В начале 1559 года Педро де Урсуа объявил о своем предприятии по всему Перу, после чего отбыл из Лимы в сопровождении корабельщиков, взяв с собой много всякого инструмента, гвоздей и смолы и прочих вещей, потребных для строительства кораблей, и направился в провинцию Мотилонес на востоке Перу, где протекает большая река, и, найдя самое удобное место, заложил верфи в испанском поселении Санта-Крус-де-Капоковар, а сам вернулся в Лиму набирать людей и закупать все необходимое для экспедиции.

Года через полтора или чуть меньше того он прибыл в селение Мойобамба, которое находилось неподалеку от его верфей и куда он давно уже не заглядывал. Тамошний приходской священник по имени Портильо разговорился с Педро де Урсуа и, будучи богат, пообещал дать ему займы две тысячи песо, ежели он возьмет его священником в экспедицию, на что получил согласие; губернатор, полагая, что деньги эти уже у него в кармане, накупил в долг всяких нужных вещей; когда же настал час платить, священник передумал идти в экспедицию и отказался дать обещанное золото. Педро де Урсуа ломал голову, как бы выйти из столь затруднительного положения, и составил

сговор с некоторыми из доверенных солдат — то были дон Хуан де Варгас, коего губернатор впоследствии сделал своим заместителем, дон Фернандо де Гусман, Хуан Алонсо де Ла Бандера, Перо Алонсо Гаско и некий мулат по имени Педро де Миранда. Последний по намеченному плану темной ночью, полуголый начал колотиться в дверь дома, где жил упомянутый священник, изобразил превеликое беспокойство и сказал, что дон Хуан де Варгас находится при смерти, после чего стал умолять клирика из любви к Богу исповедать умирающего. Священник поверил ему и как был, вставши с постели, полураздетый поспешил в церковь, которая находилась на некотором отдалении от жилых домов; а в церкви его встречали вышеназванные солдаты с аркебузами и зажженными фитилями; направив на него дула, они под угрозой смерти заставили его подписать заранее заготовленное распоряжение о выплате двух тысяч песо, поскольку деньги свои клирик хранил у одного торговца³. Засим, не дозволив ему зайти домой хотя бы одеться, они посадили его на коня и насильно привезли в Мотилонес, где заставили отдать все остальные деньги, а их было еще около трех тысяч.

В экспедицию набралось три сотни испанцев, а к ним вдобавок негры и прочая челядь. Солдаты были отлично вооружены и снабжены всем необходимым, у них имелось 100 аркебуз, 40 арбалетов, а к ним изрядные запасы пороха, свинца, селитры и серы. Прибыла в Санта-Крус и донья Инес, юная и прекрасная любовница Педро де Урсуа, дабы сопровождать его в экспедиции. И хотя друзья губернатора всячески противились тому, чтобы он брал ее с собою, он поступил наперекор всеоб-

Перуанские золотых дел мастера. Прообраз Эльдорадо

шему мнению, что крайне огорчило большую часть войска⁴.

В то время как губернатор вербовал людей и закупал все необходимое, корабельщики и офицеры, коих он оставил на верфях, построили 11 кораблей большого и малого размера, в том числе несколько широких и плоских лодок, называемых плоскодонками, каждая из которых могла взять на борт от 30 до 40 лошадей, а на корме и на носу помещалось много скарба и людей. Но по причине долгих сборов, нерадивости корабельщиков и дождливой погоды корабли сгнили, и когда их спустили на воду, большинство из них развалилось, остались только две бригантинны и три плоскодонки, да и те в таком плачевном состоянии, что при погрузке они давали течь и разваливались, поэтому лишь на одну, самую крепкую плоскодонку мы смогли погрузить 27 лошадей, а остальных коней — их было немало — отпустили на волю.

Все понимали, сколь опасно для жизни сплавляться на утлых судах по мощнейшей реке; к тому же люди были озлоблены тем, что им пришлось оставить на берегу много коней, скота, одежды и прочих необходимых вещей, не вместившихся на плоты, а потому в войске зрели смуты и заговоры, и многие хотели вернуться в Перу. Некоторых смутьянов губернатор повелел арестовать, кое-кого предпочел не замечать и, дабы избежать повального дезертирства, ускорил сборы, так что 26 сентября 1560 года мы, наконец, тронулись в путь.

В тот же день мы прошли стремнину, что находилась в четверти лиги от верфи, на следующий день миновали другие стремнины и водовороты и, оставив позади горы Перу, вышли по реке на равнинную землю, которая простирается до самого Северного моря⁵. Дней через десять пути бригантинна Хуана де Варгаса начала разваливаться и тонуть, и гребцам стоило немалых усилий под-

тянуть ее к берегу и дать выбраться людям. Каное, шедшие впереди, вовремя поворотили назад и успели забрать с корабля людей и пожитки, а бригантину пришлось бросить. Вскоре пришлось бросить и одну из плоскодонок — она настолько сгнила, что в любую минуту могла развалиться. Дней пять или шесть флот сплавлялся по реке, прижимаясь к правому берегу, а как вечерело, мы высаживались, потом рыбачили, собирали моллюсков, готовили еду и после ужина ложились спать.

Губернатор назначил Хуана де Варгаса своим заместителем, а дона Фернандо де Гусмана — генерал-лейтенантом. На одной из стоянок губернатор приказал взять под стражу Алонсо де Монтойю и продержал его в цепях несколько дней после того, как ему донесли (и это была чистая правда), что тот подбивал кое-кого из своих приятелей бежать на каное и вернуться в Перу, хотя до Перу было ходу 500 лиг; однако через несколько дней Монтойа был прощен и отпущен, а надо было казнить его, как он того и заслуживал, ибо он затевал смуты и ненавидел губернатора, а впоследствии стал зачинщиком его убийства. Педро де Урсуа был чересчур добрым и мягкотелым и не только не наказывал тех, кто этого заслуживал, но даже с дурным словом и попреком к солдатам не обращался.

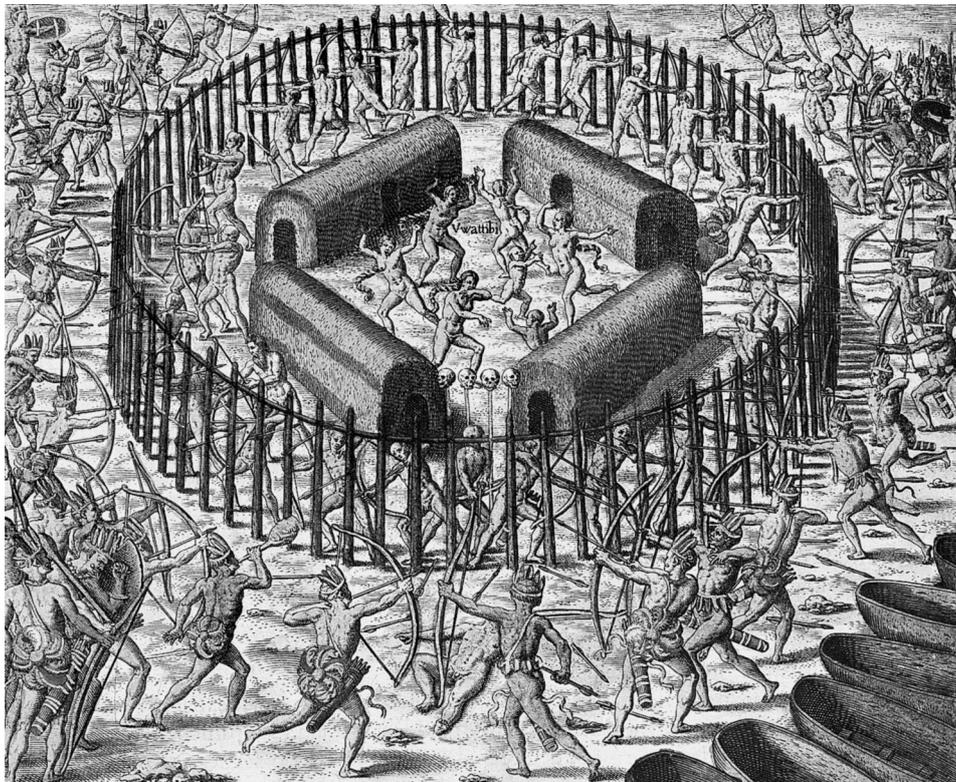
По пути мы нигде надолго не задерживались, поскольку губернатор стремился поскорее добраться до Эльдорадо, а наши корабли и лодки находились в плачевном состоянии и могли развалиться, прежде чем мы дойдем туда. Каждодневно к нам с товарами для обмена подплывали на каное индейцы, привлеченные слухами о нашей щедрости, но губернатор, не знамо почему, воспретил нам торговать, и мы делали это тайком, а он жестоко попрекал ослушников, хотя на многое и закрывал глаза.

Никто предвидеть не мог, что за этой провинцией нас ожидают нежилые земли, протянувшиеся на восемь дней пути, и туго пришлось нам в эти дни — ведь мы не запаслись провизией; и

пришлось бы еще туже, если бы Господь не послал нам обилие рыбы, которую мы вытаскивали из реки крючками, привязанными к веревкам. Губернатор и его офицеры проявили крайнюю беспечность, не найдя проводников и толмачей, которые вызнавали бы насчет предстоящего пути, и если бы нежилые земли растянулись на большее расстояние, не знаю, что с нами стало бы. Мы уж настолько привыкли ночевать в туземных селениях и не испытывать недостатка в пропитании, что не подумали запастись едой, и дорого нам обошлась наша непредусмотрительность: хорошая рыбалка скоро кончилась, начался голод, и спасались мы только лебедой, которую находили по берегам реки, но ее было мало и на всех не хватало. Это просто чудо, что все мы остались живы.

Через девять дней этого мучительного плавания Господь сжалился над нами и послал нам индейское селение, где мы смогли разжиться пропитанием. Это было самое большое поселение из всех, какие нам доводилось видеть в здешних краях; оно расположено на берегу реки, туземцы называют его Мачифаро. Местные индейцы — среднего роста, ходят обнаженными, сражаются дротиками. Они строят большие круглые дома на сваях, врытых в землю, крыши из пальмовых листьев доходят почти до земли. Наш флот внезапно появился в виду селения, и как скоро индейцы завидели нас, то посадили в каное женщин, детей и стариков и отогнали их в безопасное место, а сами вооружились и ожидали нас числом три-четыре сотни воинов.

Губернатор первым высадился на берег с аркебузой в руке, за ним стояли несколько аркебузистов и пехотинцев; когда он сделал шаг вперед, туземцы встали в угрожающие позы, давая понять, что не допустят нас в селение; губернатор запретил аркебузирам стрелять без его приказа, сам же двинулся вперед, помахивая куском белого полотна и предлагая его в дар туземцам; тогда к нему приблизился касик и взял сукно, после чего безбоязненно проник в ряды испанцев, а за ним последовали

Индийские междоусобицы

его приближенные. Индейские воины сбились в эскадрон, отошли в сторону и наблюдали за нами, не выпуская оружия из рук. Губернатор попросил касика снабдить нас пищей и отдать нам для проживания часть селения и обещал ни в чем не притеснять местных жителей. Мы разместились в центре селения, где нам было указано, а губернатор повелел, чтобы никто из нас не переступал границ нашей территории и ни под каким предлогом не совался в дома индейцев. В том селении, по нашим подсчетам, было запасено для пропитания тысяч шесть больших черепашьих — их держали живыми в ямах, заполненных водой и обнесенных изгородью, чтобы они не могли выбраться, и у двери каждого дома было два или три таких прудика с черепашками; также в домах хранились изрядные запасы маиса, а вокруг селения простирались обширные посевы юкки и других растений. При таком обилии пищи те, кто не видит дальше собственного носа, транжирили ее, гото-

вили из черепашьего жира, яиц и маиса булочки, пирожки и всякие похлебки, больше расходуя, нежели съедая, и вскоре остались ни с чем и вынуждены были попросить прощения. Губернатор был очень недоволен таким мотовством, хотя сам же и подал тому пример.

В селении Мачифаро мы простояли 33 дня и справили в нем Рождество Христово. В том селении губернатор Педро де Урсуа назначил викарием⁶ экспедиции клирика по имени Алонсо де Энао. И первое, что сделал сеньор викарий, приняв назначение, — по указке Педро де Урсуа заявил, что отлучит от церкви всякого, кто задолжал губернатору и не предъявит пред ним своего имущества, будь то инструменты, топоры, мачете, тесла, сверла, козы, свиньи, куры и прочее; это вызвало ропот среди солдат, и многие пустились в пререкания, говоря, что губернатору и викарию не следовало так поступать. Ходили слухи, что лишь для этого губернатор назначил викария, а не для чего иного.

К тому времени большинство солдат разуверились в том, что рассказывали нам о богатствах сих земель, ведь мы прошли почти 700 лиг и не видели ничего, о чем сообщалось. Люди все больше убеждались, что были обмануты пустопорожными выдумками, и стали в открытую призывать к возвращению в Перу, считая дальнейшие поиски бесполезными; когда же услышал те речи губернатора, сказал: забудьте о возвращении, мы будем искать богатую землю, пока не состаримся; и надо признать, в этом отношении он проявлял и мужество, и упорство и готов был идти до конца. Ему бы еще научиться остерегаться врагов и верить друзьям, кои предупреждали его об опасности и советовали завести личную охрану, видя, сколь нагло и вызывающе ведут себя некоторые из подчиненных губернатора. К тому времени Педро де Урсуа восстановил против себя большую часть войска — а это были подонки и злодеи, которым он воспрещал грабить и убивать индейцев налево и направо, а те обвиняли губернатора в трусости и боязни наветов. Вдобавок любовница губернатора, донья Инес, дурно влияла на него и, сказывали, околдовала его; он и впрямь сильно изменился: ежели раньше был приветлив и разговорчив со всеми, то теперь стал высокомерным и замкнутым и врагом всякой беседы, и пищу вкушал в одиночестве, чего раньше никогда не бывало, и ни с кем не советовался; он сделался другом одиночества, жил с любовницею отдельно ото всех, время проводил с доньей Инес, не желая помех любовным утехам, как мог отгородился от жизни отряда и, казалось, вовсе позабыл о военных делах и открытиях — словом, его как будто подменили.

Несколько человек сговорились бежать в Перу, но их намерения стали известны, и подобно тому, как преступников отправляли на галеры, губернатор в наказание поставил их гребцами на плоту доньи Инес; а они, хоть и легко отделались, преисполнились обиды и всю поносили губернатора; другие же со злобным умыслом, дабы еще больше

растравить их, говорили, что их надо было повесить, а не заставлять грести; и так начались в войске недовольства и смуты, кои привели к гибели Педро де Урсуа, а злоумышлять против него предатели начали еще в селении Мачифаро, видя, как он роняет себя в глазах солдат и сколь он беспечен. Поскольку все они были низкого происхождения, неудачники и простецкого рода занятий, и поскольку никто из них не мог притязать на пост капитана и главнокомандующего, коему добровольно подчинятся люди, они уговорили возглавить мятеж дон Фернандо де Гусмана, генерал-лейтенанта: он был благородного происхождения да к тому же заслужил у них добрую репутацию тем, что сам был порочен по натуре и держал их сторону. Дабы завлечь его, они выставили в дурном свете то, что губернатор повелел взять под стражу слугу дон Фернандо, метиса, и это пустяшное наказание представили как невесть какую обиду генерал-лейтенанту и говорили, мол, настоящий мужчина не должен терпеть такое; а больше всего дон Фернандо движим был тщеславием и жаждою власти, ибо заговорщики обещали провозгласить его генерал-капитаном и вручить ему бразды правления. Подстрекатели говорили дону Фернандо: дескать, он сослужит добрую службу Его Величеству, ежели найдет хорошую землю и заселит ее, ведь губернатор совсем перестал думать об открытиях и завоеваниях; на самом же деле они вовсе не собирались искать и заселять, а думали только о том, как бы убежать в Перу; и говорилось все это с целью уломать дон Фернандо, который много чем был обязан губернатору и совершил величайшее предательство в мире, ведь Педро де Урсуа и его заместитель были давними и закадычными друзьями, и губернатор на деле и на словах относился к дону Фернандо словно к брату родному, и посему трудно понять, как при столь крепкой дружбе возможно было совершить таковое предательство.

А теперь поведу речь о гибели губернатора. После Рождества Христова

ничего не подозревавший Педро де Урсуа покинул селение Мачифаро и встал лагерем в другом селении сей провинции, куда он ранее послал разведывательный отряд во главе с Санчо Писарро, дабы тот проследил дорогу, ведущую вглубь земли; и мы ждали его возвращения. Селение оказалось безлюдным, ибо его жители бежали из страха перед нами. Там-то заговорщики и осуществили свои гнусные планы — случилось это в новогоднюю ночь, в день обрезания Христова, 1 января 1561 года, в два или три часа утра. Предварительно дон Фернандо и дюжина злоумышленников предупредили прочих сообщников, чтобы те хватали оружие и спешили на помощь, если их позовут, после чего направились к дому губернатора и застали его, по обыкновению, в одиночестве в постели; они стали наносить удары мечами и кинжалами, тот вскочил и попытался убежать, но рухнул замертво посреди котлов, в которых ему готовили еду. Говорят, первым в его покои вошел Алонсо де Монтойа, и он же нанес первый удар. Убив Педро де Урсуа, заговорщики завопили во весь голос: «Свобода! Свобода! Да здравствует король! Тиран и предатель мертв!». Именем короля прикрывали они свое злодеяние.

Сразу вслед за тем часть заговорщиков бросилась разыскивать заместителя Педро де Урсуа дона Хуана де Варгаса; тот как раз выскочил на крики из своего бою с жезлом в руке и облаченный в эскаупиль⁷ и столкнулся с мятежниками, которые осыпали его бранными словами, отобрали жезл и приказали ему снять эскаупиль; сам он разоблачаться не желал, тогда к нему бросился один из мятежников и начал сдирать с него эскаупиль, стянул один рукав и начал стягивать другой, когда Мартин Перес нанес заместителю сзади удар мечом. Удар оказался такой силы, что меч пронзил и Хуана де Варгаса, и вцепившегося в него канарца и разом покончил с обоими.

Солдат, прибывавших узнать, что случилось, мятежники угрозами заставляли встать в строй и, когда собралась

изрядная часть войска, во всеуслышание объявили о содеянном; так как никто не знал, сколько заговорщиков всего, и так как многие думали, будто их большинство, то каждый заботился о себе и потому смолчал; а после того как подробности заговора стали известны, уже было поздно сопротивляться, ибо к мятежникам примкнули многие смутьяны. Десятка два заговорщиков принялись обходить те дома, где разместились испанцы, и силой сгоняли их на площадь. Когда собралось все войско, они отняли оружие у друзей, родственников и ставленников губернатора и хотели перебить их, но не стали никого убивать, лишь оставили без оружия, сказав, что отдадут его в свое время, если сторонники губернатора станут их друзьями. Той же ночью генерал-капитаном экспедиции был провозглашен дон Фернандо де Гусман, а его маэсе де кампо⁸ назначен Лопе де Агирре. Последний под страхом смерти запретил солдатам перешептываться и приказал говорить только громким голосом. Затем заговорщики взяли запасы вина, которое губернатор хранил для мессы и прочих нужд, и отметили свой успех шумным застольем. А донья Инес приказала неграм, рабам Педро де Урсуа, вырыть глубокую яму и захоронить губернатора и его заместителя.

Расскажу об одном событии, стоящем внимания. У Алонсо де Ла Бандеры, одного из убийц губернатора, в рабах находился негр, звавшийся Хуан. Каким-то образом этот раб узнал, что его хозяин и прочие сговорились убить Педро де Урсуа, и поздно вечером, незадолго до убийства, пришел к губернатору, чтобы предупредить его об опасности, но тот проводил время с доньей Инес и не смог переговорить с ним; тогда Хуан рассказал все другому негру, губернаторскому рабу по имени Эрнандо, и велел тому передать его слова Педро де Урсуа, но Эрнандо не сделал этого — то ли по недоверию, то ли по забывчивости, а скорее всего по нежеланию. После гибели губернатора он донес заговорщикам на Хуана; они сначала намеревались казнить его, но

пощадили по той причине, что он был хорошим корабельщиком; негра привязали к столбу на площади и всыпали ему 500 ударов кнутом, и всем при этом объявили, за какую провинность его секут.

А намного раньше того времени, когда губернатор находился в провинции Мотилонес и готовился к отплытию, он получил еще одно предупреждение, чему я сам был свидетель. Друг Педро де Урсуа капитан Педро де Аньяско, человек многоопытный и знавший многих из тех, кто завербовался в экспедицию, послал ему письмо, каковое я видел своими глазами, и в том послании назвал десять солдат — смутьянов и подстрекателей, коих настойчиво просил не брать с собой; и ежели, писал он, ему из сострадания жаль выгонять их, поскольку они бедны и он лишает их возможности обогатиться, то пусть лучше отошлет их слугами в свое поместье, а потом, когда откроет богатую землю, одарит их как сочтет нужным. В частности, он назвал Сальдуэндо, Лопе де Агирре и Хуана Алонсо де Ла Бандеру и прочих убийц, и если бы губернатор не взял их в экспедицию, вряд ли кто иной отважился бы на такое. Я не знаю, что именно Педро де Урсуа ответил на это письмо, знаю лишь, что только одного из поименованных он выгнал, остальных же взял себе на погибель. Дон Педро де Аньяско написал ему еще одно письмо, в коем говорил, что брать с собою в экспедицию донью Инес — нечто неслыханное и скандальное, что такой поступок весьма задел и опечалил их общих друзей, и умолял его не совершать таковой ошибки и оставить донью Инес, которая тогда еще не прибыла в Мотилонес; он обещал взять сей щекотливый момент на себя и обставить дело так, что донья Инес не заподозрит, будто губернатор бросил ее по своему соизволению. Я также видел это письмо, но Педро де Урсуа на него не ответил, напротив того, послал человека, чтобы тот как можно скорее привез донью Инес. Осмелюсь утверждать: если бы губернатор не совершил двух этих ошибок, судьба его сложилась бы иначе.

Как видно, губернатор слишком полагался на свою доброту и в ответ на предупреждения друзей о зреющем недовольстве среди солдат говорил, что он никому не причинил зла и, в отличие от многих прочих капитанов, даже дурного слова никому не сказал, а если кто чем и недоволен, то не им лично, а трудами и тяготами экспедиции. Верный друг губернатора Педрариас де Альместо докладывал ему, что некоторые из солдат совсем распоясались, и говорил: мол, пока он не казнит четверых смутьянов, не будет спокойствия в войске, и призывал его поберечь себя, иначе не сносить головы ни ему, ни его сторонникам; и тогда губернатор держал совет с клириком и двумя старыми друзьями, коим доверял, и обещал им, что примет меры, а в результате палец о палец не ударил, позволив предателям осуществить свой коварный замысел; и осмелюсь утверждать: если бы он действительно сделал то, что ему советовали, — остался бы жив, по крайней мере, не умер бы той лютой смертью, какая его настигла, и мы бы открыли богатую землю, ежели таковая там есть, и не было бы содеяно столько зла, и жизни наши не подверглись бы стольким опасностям. Но добряк губернатор, прекраснодушный и наивный, даже вообразить себе не мог ничего подобного, а кабы он смог заглянуть в будущее, то, конечно же, принял бы необходимые меры как добрый христианин и слуга Его Величества, каковым он всегда оставался.

В начале своей хроники я поведал кое-что о губернаторе; сейчас расскажу о его облике, характере и привычках. Ему исполнилось 35 лет, когда он отправился в экспедицию. Был он среднего роста, изящного телосложения, красив лицом, с рыжей, густой, ухоженной бородой. Он располагал к себе хорошими манерами и разговором, был приветлив и обходителен с солдатами. Он заботился о внешнем облике и одежде и был аккуратен во всем. Губернатор прекрасно владел словом и обладал особым даром привлечь людей на свою сторону. Он был скорее милостив, не-

жели строг. Он великолепно держался в седле, и многие отличные наездники отдавали ему пальму первенства. Педро де Урсуа проявлял усердие на службе Его Величеству и даже в мыслях не допускал измену королю. Многие любили и ценили его; но, как водится, все мы не без греха, и наряду с достославными свойствами его природы имелись и недостатки, особенно явственно проявившиеся в последний месяц его жизни. Одни списывали их на порочное влияние доньи Инес, другие — на болезнь, а правы, может быть, и те, и другие, ибо, с одной стороны, он действительно много времени проводил с доньей Инес, а с другой — сильно изменился после того, как его настигла болезнь. Он стал непоследователен, хватался то за одно, то за другое, начал проявлять скупость, тянул с раздачей, а еще больше — с обещаниями. При надобности он не стоял за обещаниями, но, как получал желаемое, не выполнял данного слова — впрочем, порок сей присущ большинству капитанов в Индиях. Если он видел у солдата какую-то ценную вещь, начинал торговаться, стараясь приобрести ее за бесценок. Он стал проявлять неблагодарность к своим друзьям и к тем, кому был обязан; не заботился о больных и редко навещал их. Он не замечал, как расшаталась дисциплина в войске, охваченном смуту и раздором, проявлял беспечность, медлительность и нерасторопность в делах управления, стал мрачен и раздражителен, и мы, знавшие его долгое время, говорили меж собою, что его будто подменили и, похоже, у него помутился рассудок. Педро де Урсуа был падок на женщин, но обращался с ними честно и никогда не хвалился своими любовными похождениями, как это свойственно многим.

Со дня отплытия до ночи убийства губернатора прошло три месяца и три дня. Как свидетель назову поименно тех, кто убивал губернатора и его заместителя, — они и не скрывали своего участия в этом деле. Это дон Фернандо де Гусман, Хуан Алонсо де Ла Бандера, Лоренсо де Сальдуэндо, Алонсо де Монтойа, Мигель Серрано де Касерес, мулат Педро де Миранда, Перо Эрнандес, Мартин Перес, Диего де Торрес, Кристо-баль Эрнандес, Алонсо де Вильена и жестокий тиран, источник зла, главарь заговорщиков — Лопе де Агирре.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Inca Garcilaso de la Vega. *Comentarios reales*. Lima, 1946, vol. IV, p. 81.

² *Ibid.*, p. 83—84.

³ Даже преступники пользовались в церкви правом неприкосновенности. Поэтому Васкес имеет все основания утверждать, что последующие беды стали карой за совершенное святотатство.

⁴ Совет по делам Индий категорически воспрещал брать в экспедиции незамужних испанок, да и замужних брать не рекомендовал, так что Педро де Урсуа фактически нарушил закон.

⁵ Северным морем испанцы называли Атлантический океан в противопоставлении Южному морю — Тихому океану.

⁶ Викарий — церковный судья.

⁷ Эскаупиль — защитная одежда от индейских стрел из плотно простеганного хлопка толщиной в три пальца; заимствована от индейцев майя и ацтеков.

⁸ Маэсе де кампо — высший офицер, отвечающий за боеспособность войска.

⁹ По-видимому, речь идет о тропической лихорадке.